

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

КОМПЛЕКС БОЛЕСЛАВА

Вспышка антирусских настроений, которая характерна для нынешних польских политиков — да и значительной части польских обывателей, — чаще всего ими объясняется весьма просто. Как заявил один из варшавских журналистов в ходе ток-шоу на московском телеканале ТВЦ, всё дело в том, что после разделов первой Речи Посполитой, завершившихся в 1795 году, поляки более ста лет находились под русским гнётом. Да и до разделов на протяжении примерно такого же времени их короли подчинялись царям. А в социалистические времена пришлось быть послушными ещё сорок. В целом набирается почти три столетия, потому каждый поляк уже рождается с ощущением опасности, которая исходит от большого восточного соседа. Страх перед Россией, по его словам, поселился в его сородичах на генетическом уровне и даёт о себе знать каждому из них при одном только упоминании об этом государстве, потому что поляки в составе Российской Империи были рабами и только рабами, регулярно поднимали восстания, за что почти все прошли через Сибирь. Разумеется, вспоминается и Катынь, в могилах которой, если верить говорящим, лежат попавшие в красный плен родственники почти всех без исключения граждан Польши. Тех же поляков, которые жили в Советском Союзе до Великой Отечественной войны, горькая судьба постигла ещё раньше, утверждается в вышедшей в октябре 2017 года в познаньском издательстве “Рибис” книге под красноречивым названием “Погибли, потому что были поляками. Кошмар “польской операции” НКВД 1937–1938”. В сообщении о ней на портале histmag.org дважды подчёркнуто, что та операция была нацелена “в каждого поляка, проживающего на территории СССР”, — никак не меньше.

О том, что “в Польше страх перед ней (Россией — Я. А.) даже больший, чем где-либо ещё”, говорит и профессор Института международных отношений Варшавского университета Станислав Белень. Свой вывод он поясняет ещё и тем, что Россия возвращается “к политике геополитического ревизионизма и даже реваншизма”, в результате чего Речь Посполитая оказалась “между новыми конфронтационными действиями”, и “противостоящие одна другой махины Америки и России в случае возможного столкновения уничтожат всё, что окажется на их пути”. При этом в его статье с расхожим уже названием “Страх перед Россией”, опубликованной на портале kresy.pl тоже в октябре 2017 года, обращает на себя внимание ещё один немаловажный нюанс: профессор подчеркнул, что между противостоящими сторонами Польша оказалась, “в значительной мере, по собственному желанию”. Вот только почему его страна добровольно пошла туда, где столь велика опасность для неё? И только ли страхом такой шаг был продиктован?

Поток обвинений в адрес нынешней России и русских в Польше возник не вчера и всё заметнее нарастает. Если некоторое время назад обозначилось

стремление поставить на одну доску Сталина и Гитлера и сделать ответственным за развязывание Второй мировой войны не только Третий рейх, но и Советский Союз, то теперь налицо усилия, цель которых — изобразить СССР и его преемницу Россию уже главным виновником той бойни и её последствий. На варшавских берегах зазвучали голоса, что Советы, как там предпочитают говорить, несут ответственность даже за Холокост, хотя он фактически начался ещё до войны, притом в предшествующее ей десятилетие регулярные еврейские погромы вспыхивали не только в Рейхе, но и в Польше. Более того, в Польше они начались раньше, чем печально знаменитая “хрустальная ночь” в нацистской Германии, случившаяся с 9 на 10 ноября 1938 года.

Всё чаще удивляет и “аргументация”, которую используют выходцы с висленских берегов в случаях, когда возникает дискуссия. В октябре 2017 года в одной из передач Романа Бабаяна на ТВЦ польский политолог Якуб Корейба в ответ на вопрос, почему в его стране проявляется неуважение к памятникам воинам, освободившим их страну от гитлеровцев, применил следующий довод: “А кто их в Польшу звал? Нас освободил бы американский генерал Паттон...” Оппоненты от неожиданности не нашлись, что возразить. Например, не спросили, почему, если Речь Посполитая была так важна для западного мира, после нападения на неё Германии, случившегося 1 сентября 1939 года, союзники палец о палец не ударили для спасения Польши, хотя давали ей гарантии заступничества от угрозы нацизма? Почему, даже объявив 3 сентября войну Рейху, даже перейдя границу в Сааре и не встретив сопротивления, французы и англичане, тем не менее, не стали развивать наступление, уже 12 сентября заявив, что “события в Польше не оправдывают дальнейших военных действий”. И тем самым дали понять, что в политических калькуляциях тех, на кого Речь Посполитая делала ставку, она в реальности не значила ничего, хотя все предвоенные годы настойчиво пыталась играть роль великой державы. Отголоски тех претензий на важность заметны и в словах Корейбы, ведь из них тоже можно сделать вывод, что не разгром мирового зла, каким был гитлеровский нацизм, якобы являлся главной задачей советской, британской, американской армий, а освобождение Польши, притом она сама должна была решать, кому именно предоставить такую честь.

Тем не менее, когда звучат заявления подобного рода, понять упомянутую растерянность вполне можно, если вспомнить совет не ввязываться в спор с демагогом, ибо в таком случае надо опуститься до его уровня, но всё равно проиграешь, поскольку у демагога больше опыта в ведении препирательства подобным образом. Оппоненты Якуба Корейбы, понимающие спор как сопоставление фактов, на такое “опущение” и не могли пойти. Но есть и ещё один нюанс, побуждающий помнить и о том, что нет худа без добра. Ведь такие насочки и продемонстрированные в качестве “доказательств” выверты, несомненно, вызовут у многих “обвиняемых” — и не только у них — желание уточнить, что всё-таки в отношениях русских с поляками на протяжении их многовекового соседства происходило в реальности. Тем более, что польско-русские или польско-российские отношения началась не с тех самых разделов первой Речи Посполитой, которая, кстати, была уже не Польшей, а конфедеративным государством, состоящим из Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Их история куда больше трёх столетий, и если, всматриваясь в неё, сконцентрироваться именно на препирательствах, конфликтах, исходить только из чувства страха, то, наоборот, можно получить ощущение, что это у русских должно появляться чувство опасности при одном упоминании о Польше и поляках. Значимым поводом для того, чтобы заглянуть в далёкое прошлое, является как раз 2018 год. Будущим летом многие поляки отметят, если захотят, а многие точно захотят, тысячелетие похода, в результате которого войска польского князя Болеслава Храброго захватили не какой-либо окраинный кусочек Руси где-то в Карпатах, не пограничный Брест, что тоже случалось, а сам столичный Киев. Насколько известно, это была первая иностранная оккупация главного по тем временам города в русском государстве. А что касается Бреста, стоявшего на торговых путях, ведущих во все стороны света, то он был захвачен Болеславом ещё за два года до Киева, а потом не один раз переходил из рук в руки. Только Ярославу Мудрому за тридцать лет пришлось четырежды отбивать этот город.

Та первая большая война поляков и русских кое-чем похожа на Троянскую, отзвеневшую бронзовыми мечами ещё три тысячи лет назад. По крайней

мере, началом. Если Троянская случилась из-за Елены Прекрасной – жены спартанского царя Менелая, которую похитил царевич Парис, – то польско-русская вспыхнула из-за киевской княжны, на которую неудачно положил глаз Болеслав. Княжну звали Предславой, и была она дочерью Владимира Красно Солнышко, который крестил Русь, потому величается ещё и Крестителем. Вот только о Троянской, благодаря Гомеру, знают даже школьники, а у славян не нашлось своего сказителя, который бы создал столь же звучную поэму, чего та война заслуживала хотя бы потому, что распространилась на куда большие территории, её жертвой стала столица и трон значительно большего государства. Прав, значит, был Державин, когда утверждал, что в памяти народной лучше всего закрепляется то, что входит в неё “под звуки лиры и трубы”, то есть овеяно, освящено высоким искусством.

Правда, утверждать, что тот налёт на Киев был первым столкновением поляков с русскими, а до этого в их отношениях была сплошная тишь да гладь, всё-таки нельзя. Стычки случались и раньше. Но именно стычки. За пограничные города. Тот же Владимир ходил на Перемышль и Червень и занял их, пишет С. М. Соловьёв в своей “Истории России с древнейших времён”, хотя поляки считали их своими, чехи – своими, а из русских летописцев одни утверждали, что Владимир подчинил себе ещё свободные племена, другие, что восстановил власть над этими территориями, утраченную его отцом Святославом, который увлеклся походами на Волгу и Дунай и упустил из виду дела на западных окраинах.

Польский князь Болеслав Храбрый перед тем, как выдать свою дочь за Святополка, считавшегося третьим сыном Владимира Крестителя и правившего тогда в Турове, тоже совершал поход на земли будущего зятя и только после этого решил породниться. На нынешней белорусской Гомельщине Туров не является даже районным центром, а тогда он был столицей крупного удельного княжества. Можно не сомневаться, причиной той свадьбы была не столько горячая любовь жениха и невесты, которые вряд ли виделись до венчания, сколько соображения иного порядка. Притом заинтересован в ней был и Владимир, иначе она бы не состоялась. В те времена межгосударственные отношения часто строились на династических браках. Так разрешались многие споры, определялась судьба немалых территорий, войны или мира, наследства и прочая, прочая.

Для усиления желаемого политического эффекта от замужества своей дочери Болеслав вместе с ней отправил в Туров епископа Рейнберна, которому предстояло заботиться, чтобы зять, имевший шансы занять главный киевский стол, не упустил из поля зрения интересы тестя и всегда готов был поддержать его. Однако надежды не оправдались. Святополк за два года до кончины отца попал в немилость, был вызван в Киев и посажен в “поруб” – специальный деревянный сруб для заточения узников. Болеслав попытался вмешаться, даже договорился с немцами и печенегами о походе на Русь, однако, пишет в исследовании “Древнепольское государство” историк-славист В. Д. Королук, по пути союзники передрались, и, “расправившись с печенегами”, князь “вынужден был возвратиться в Польшу”. Но С. М. Соловьёв добавляет, что уже тот поход был опустошительным для русских земель.

Святополк после смерти отца в 1015 году всё-таки сел на отцовский трон в Киеве, однако рассорился с братьями, убил Бориса – князя ростовского, Глеба – князя муромского, Святослава – князя древлянского. Он, сообщает “Повесть временных лет”, “помысливъ высокоумьем своим”, решил: “Избью всю братью свою, а приму власть русьскую единь”. Но Предслава сразу же передала брату Ярославу в Новгород, где тот был отцовским наместником, специальное письмо: “Отець ти умерла, а Святополкъ съдѣти в Киевѣ, ѹби Бориса и по Глѣба посла, а ты влюди ся сего повеликѹ”. И Ярослав под Любечем, что на Черниговщине, так побил Святополка, что тот побегал к тестю за помощью. Однако сначала Болеслав предпочёл действовать не военными методами. Польский историк Анджей Зелиньский в книге “Скандалисты на тронах” настаивает на том, что он, дабы всё-таки войти в союз с русским государством или располагать возможностями влиять на него, после смерти своей супруги Эмнильды решил жениться на той самой Предславе – сестре Ярослава, ставшего главным князем на Руси.

Историки расходятся в том, которая из жен Владимира была её матерью. Анджей Зелиньский полагает, что Предславу родила Владимиру греческая

царевна Анна Порфиросная, сестра византийского императора Василия II, другие авторы, а их большинство, утверждают, что Предслава была дочерью Рогнеды Полоцкой. Хотя не сохранилось ни одного изображения княжны, все пишут, что слыла она девушкой необыкновенной привлекательности и имела прекрасное по тем временам образование. Помимо русского языка, уточняет Зелинский, бегло владела греческим и латынью, притом не только устно, но и на письме, что тогда было в диковинку в других европейских странах. Даже почти сорок лет спустя, когда Анна Ярославна – племянница Предславы – выходила замуж за французского короля Генриха I, жених при венчании “расписывался” маканием пальца в чернила. А кроме языков, добавляет Зелинский, мать позаботилась о том, чтобы Предслава усвоила и основы философии – так в те времена назывался комплекс знаний об обществе. Кроме того, она была очень музыкальной, что, тем более, делало её достойной невестой “для наиболее могущественных европейских королевских домов”. Предславу, уверен польский автор, “с детства готовили к большой супружеской карьере”.

И всё-таки в том сватовстве главным побудительным мотивом для Болеслава была не красота будущей жены, хотя таковая, несомненно, тоже имела значение. Он не мог быть равнодушным, в первую очередь, к самой Руси, с которой, напоминает Анджей Зелинский, “дружбы и союза... искали многие европейские короли и князья”. Уж очень большой она стала, распротёршись от Балтийского до Чёрного морей по обе стороны Днепра. А столичный Киев слыл “на востоке Европы вторым после Константинополя городом по богатству и роскоши”, невиданной в соседних западнославянских странах, что подчёркивает уже В. Д. Королук. Кроме того, это был “действительно крупнейший центр ремесла и торговли”. Павел Ясеница – старший коллега Анджея Зелинского – в книге “Польша Пястов” тоже пишет, что Киев “по тем временам был городом огромным и очень богатым”. Одних церквей в нём насчитывало четыре сотни, отмечал и саксонский хронист Дитмар Мерзенбургский, который посещал столицу Руси за год до похода польского князя на этот город, а некоторые летописцы говорили о семистах храмах. Однако, скорее всего, не церкви прельщали Болеслава, крещённого по римскому обряду. Было в Киеве восемь больших рынков, куда приезжали купцы из дальних восточных стран, особенно из Византии, что могло открыть значительные перспективы для польской торговли. И не только польской. Всё это приобретало особое значение для всей восточной и северной Европы в связи с упадком товарного обмена с арабами и персами, подвергшимися нападению турок-сельджуков.

Когда впоследствии Болеславу удалось захватить город, он в течение десяти месяцев непрерывно отправлял оттуда деньги и товары в Польшу, многие ценные трофеи забрал с собой, уходя из русской столицы, писал Зелинский, а Сергей Соловьёв уточнял, что “Болеслав... захватил себе всё имущество Ярослава”. Пограбить в русской столице действительно “было очень соблазнительно для могущественного, но всё же бедного в сравнении с киевским польского князя”, отмечал В. Д. Королук. Добыча была очень важна, особенно для расчётов с наёмными воинами. Однако были у него и куда более “широкие политические планы”. Движимый желанием создать мощное польское государство, он понимал, что наличие сильных, но не дружественных соседей на западе и востоке способствовать тому не будет. Война с германским императором Генрихом II шла уже полтора десятка лет. Не сложились отношения и с южными соседями – чехами, словаками. Потому возникло желание “поставить под своё исключительное влияние киевский двор”, ибо ещё и “враждебная позиция Киевской державы грозила полным крахом всего политического курса Болеслава Храброго, особенно в условиях перманентного конфликта с Империей”. Да и германская империя, которая тогда именовалась Священной Римской, “прилагала усилия к тому, чтобы столкнуть Польшу с могущественным соседом на востоке” и тем самым направить войну в противоположную от себя сторону. Перед походом польского князя на Русь Генрих II заключил с ним мир и выделил ему в помощь 300 немецких рыцарей и 500 венгров. Напомним, с каждым рыцарем в бой шло ещё несколько его оруженосцев.

Но сначала приезжали сваты от Болеслава.

Тем сватам был дан от ворот поворот, притом с комментарием, граничащим с неуважением. Пятидесятилетнему жениху посоветовали искать супругу соответствующего ему возраста, добавив, что подобных среди сестёр Ярослава не имеется. Впрочем, в том, что касается возраста невесты, есть

серьёзные разночтения. Зелинский полагает, что Болеслава избранница была ещё юной девушкой, другие историки, а их большинство, считают, что к тому времени ей уже шёл четвёртый десяток лет от роду. Титмар Мерзбургский, говоря о том отказе, уточнял, что Предслава тоже не желала стать женой Болеслава, так как ей было известно, что он “толст и склонен к прелюбодейству”.

Почему ответ прозвучал столь резко? В Киеве, надо полагать, были слышаны, что правление Болеслава Храброго даже для тех времён было непривычно жёстким. Став главным на польских землях, одних родственников он изгнал, других ослепил. Пригласив чешского князя Болеслава Рыжего в гости, прямо во время посвящённого встрече пира приказал вырвать ему глаза и бросить его в темницу, пишет Павел Ясеница. На трон в Праге сел сам Храбрый. В этой связи В. Д. Королюк, ссылаясь на хрониста Аделболта, биографа Генриха II, говорит даже о “намерении Болеслава сделать Прагу столицей своей монархии”, ибо Прага была тогда “крупнейшим западнославянским городом, игравшим важную роль в торговых связях Востока и Запада”. Да и владения Болеслава к тому времени достигли наибольших размеров. Помимо собственно Польши, они включали Чехию, Моравию, Словакию, Лужицкую землю, верховья Эльбы, другие территории. Возможно, тогда и родилась извечная польская мечта о Польше “от моря до моря”, неумирающая доньяне. Маршал Юзеф Пилсудский пестовал её в виде Междуморья – конфедерации, которая под польской эгидой включала бы центрально-европейские и прибалтийские государства. В наши дни в Варшаве муссируется идея уже Трёхморья, в которое вошло бы двенадцать стран Центральной и Восточной Европы, примыкающих к Балтийскому, Адриатическому и Чёрному морям. Разница только в названии, суть одинакова: эти страны под руководством Польши должны быть противовесом, конечно же, России и играть заглавную роль в Европе.

Однако уже у Болеслава случился крупный сбой на пути к поставленной цели. Польские войска повели себя так, что через год чехи подняли восстание, заявив, что “лучше быть под немцами”, под протекторатом которых находились до этого. В Праге среди ночи ударили колокола, зовущие горожан к мечу и топору, и именно это, а не весть о приближающихся немецких ратях, заставило польского князя срочно уходить. Он отступил “перед бунтом всего населения, которое набрасывалось на польские отряды”, признаёт Павел Ясеница. Однако последующие действия князя показали, что выводов он тогда не сделал.

Болеславовы ухватки, похоже, влияли и на его туровского зятя. По крайней мере, С. М. Соловьёв, объясняя жестокое отношение князя Святополка к родственникам, полагал, что он брал пример именно с тестя. По его мнению, это “как нельзя легче объясняет поведение Святополка”, распорядившегося убить братьев Бориса, Глеба и Святослава. А Ярослав, скорее всего, знал о судьбе Рыжего, потому решил не давать польскому князю поводов претендовать и на русский стол. Притом положительных чувств к Болеславу, похоже, он не испытывал уже давно, в одно время даже начинал военные действия против польского князя, выступив на стороне германского императора Генрика II, но почему-то они “не были достаточно энергичными”.

Вряд ли тайной для киевского двора были и взаимоотношения Болеслава с женами. Первых двух – немку и мадьярку, которые у него были до Эмнильды, – он просто отправил назад к родителям. После отказа Предславы выйти за него замуж Болеслав женился на Оде – дочери германского маркграфа Эккенгарда, но оскорбление носил в сердце, как занозу, и искал повод “для атаки на Киев”, подчёркивает Зелинский. И тут появился Святополк, потевший трон в борьбе с Ярославом.

По словам В. Д. Королюка, принятию решения об атаке на Киев в немалой мере способствовали и “опустошительные набеги на город печенегов, о которых упоминает Титмар”. С. М. Соловьёв полагает, что они тоже были сделаны по наущению Болеслава. Главным же мотивом, по мнению этого историка, стало то, что “для Болеслава Польского открылись такие же виды на восток, какие он прежде имел на запад”. Говоря иными словами, “на Руси, как прежде у чехов, семейные раздоры пригласили его к посредничеству и к утверждению своего влияния”. Потому он и воспользовался “благоприятным” случаем.

В этой связи следует вспомнить и о том, что почву для тех семейных раздоров – конфликта между сыновьями Владимира, вражды Ярослава и Свято-

полка — создавал и сам Владимир Креститель. Притом делал это вполне осознанно, что следует особо подчеркнуть, с далёким прицелом на будущее, предполагающим укрепление государства. По действовавшему тогда “лествичному ряду” — так назывался порядок наследования власти — в случае смерти великого князя его место занимал старший сын. Поскольку сыновей от разных жён у него было двенадцать, то он сам определил их “ранжир по старшинству”. Первым был Вышеслав — от скандинавки Олавы, вторым Изяслав — от полоцкой Рогнеды, третьим Святополк — от женщины, которая до того, как стать женой Владимира, побыла супругой его старшего брата Ярополка, четвёртым и пятым Ярослав и Всеволод — тоже от Рогнеды. А ещё были Мстислав, Станислав, Судислав, Святослав и Позвизд, Борис, Глеб...

Похоже, к концу жизни Владимир захотел изменить порядок престолонаследования. Вышеслав, правивший в Новгороде, и Изяслав, сидевший на уделе в Полоцке, стоявшим на главном пути между Новгородом и Киевом, к тому времени ушли из жизни, а туровский Святополк, ставший польским зятем, вызвал подозрение, что слишком уж слушается епископа-католика Рейнберна, подстрекавшего не подчиняться родителю и постепенно отходить от византийского обряда в христианстве к римскому. Святополк, как полагает В. Д. Корольков, готовил “восстание против отца, потому был арестован вместе с женой и епископом Рейнберном”. А С. М. Соловьёв подчёркивает, что успех восстания в политическом смысле был важен не только для Болеслава, но и “для западной церкви — в религиозном отношении, ибо с помощью Святополка юная русская церковь могла быть отвергнута от восточной”. Однако “Владимир узнал о враждебных замыслах”.

Была и ещё одна причина беспокоиться о делах в Турове, о котором летописцы с тревогой писали, что “люто бе граду тому, в нем же князь ун (юн, значит. — Я. А.), любяй вино пити с гусльми и младыми советниками”. Потому-то Святополк после смерти Вышеслава не был “переведён с повышением” в главный после Киева Новгород, а был вызван в Киев и даже посажен в “поруб”. В Новгород же из Ростова Великого переехал Ярослав, возведённый тем самым в статус старшего брата, которому по старым обычаям и предстояло наследовать трон отца.

После смерти Владимира великим князем киевским Святополк стал во многом потому, что отец хотя и смилостивился к нему перед кончиной и выпустил его из “поруба”, но в Туров не вернул. Как считает С. М. Соловьёв, “по освобождению из темницы Владимир уже не отдал Святополку волости Туровской, как ближайшей к границам польским”, а поселил его “подле Киева, чтоб удобнее наблюдать за его поведением”. Однако события повернулись так, что это и помогло Святославу. Оказавшись к престолу ближе других братьев, он сразу сел на отцовское место, начал раздавать подарки, затем приказал убить Бориса с Глебом и Святославом, за что прозван Окаянным и новым Каином. Ярослав пошёл на него с новгородцами. И побил. Святополк поскакал за помощью к тестю Болеславу, которого не пришлось долго уговаривать, поскольку лучшего повода для сведения счётов, чем помощь зятю, придумать было трудно. Тот сразу двинулся к Бугу, на противоположном берегу которого уже стояли воины Ярослава. Сначала произошла перебранка, в ходе которой воевода Будый пообещал пощекотать копьём жирное брюхо Болеслава, отчего тот разозлился, рванул через реку, а за ним всё его воинство.

Ярослав так поспешно уходил в Новгород, что оставил в Киеве свою супругу и сестёр. А Болеслав после вступления в русскую столицу 14 августа 1018 года учинил своё мщение. Ссылаясь на хрониста XI века Галла Анонима, Анджей Зелиньский пишет, что об этом польский князь заранее, притом громко, объявил всему войску. Войдя в город, он вынул из ножен меч и ударил им по Золотым Воротам, а когда люди его удивились, зачем он это делает, ведь битвы уже нет, со смехом пояснил: “Так же, как в этот час Золотые Ворота поражены этим мечом, так следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать её за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесённая нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем”.

Насилие над княжной было совершено “показательным способом”. Её привели в зал, где победители отмечали свой успех, а затем в соседнюю комнату, куда сразу же последовал Болеслав. Через некоторое время он вернулся

и был встречен овациями. Вскоре через зал вынуждена была пройти и Предслава. Потом насилие повторялось много раз. Польский князь держал княжну в одной из комнат дворца, в котором располагался сам, и во время всего своего пребывания в Киеве “наведывал Предславу, как только появлялось на неё желание”.

Польские историки, напоминая Зелиньский, утверждают, что Болеслав Храбрый, заняв Киев, не намеревался заменить на русском престоле Ярослава, как это сделал в Праге с Болеславом Рыжим. Но такому утверждению противоречат его действия, следовавшие за вторжением. Известно, что, демонстративно посидев на троне Владимира, он направил специальные посольства с уведомлением об этом германскому императору Генриху II, а также в Константинополь, византийскому императору Василию II, пишет Павел Ясеница. Сообщая о сделанном, он уверял Генриха, что желает сотрудничать с ним и рассчитывает на его дальнюю помощь, а Василию II предлагал дружбу, но предупреждал, что тому будет плохо, если откажется. Одновременно начал в Киеве чеканку серебряных монет с надписью кириллицей “Болеслав”, напоминает Александр Широкоград, что вообще-то вряд ли соответствует суждениям, будто он не намеревался присвоить русский трон. Слова Новгородской и Софийской летописей: “. . . и седе (Болеслав) на столе Володимере”, скорее всего, свидетельствуют о желании подчинить Русь своей власти. Да и с какой стати ему было уходить из столь роскошного города, каких раньше и не видел. Ярослав побит, Святополка в расчёт уже можно и не брать. Однако зять взял да и разругался с тестем, ибо тоже жаждал власти, а воины Болеслава в местах постоя повели себя так, что вызвали гнев русичей и стали в больших количествах оказываться в Днепре, в Почайне, которая в Днепр впадает и в которой тридцать лет назад крестили киевлян, вообще исчезать неведомо где. Пришлось уходить польскому князю из Киева, но Червеньские города всё же оказались присоединенными к его владениям.

А ещё захват им одного из самых больших и самых богатых городов Европы, называемого некоторыми хронистами соперником Константинополя, впоследствии породил до сих пор живую легенду, которая связана с тем самым мечом, которым Болеслав Храбрый якобы ударял по киевским Золотым Воротам и даже выщербил его тогда. Ей Анджей Зелиньский тоже уделяет много внимания. Дело в том, что через двести лет после того похода — с момента вступления на трон Владислава Локетка (Локотка) в 1320 году — меч, к тому времени получивший название “Щербец”, стал одним из обязательных реквизитов, используемых при коронации польских королей. Правда, историки потом выяснили, что Золотых Ворот во время захвата Киева Болеславом ещё не было — их начали строить два десятка лет спустя вместе с Софийским собором. Давало повод сомневаться в принадлежности меча Храброму и то, что после смерти Болеслава на тогдашнюю польскую столицу Гнезно совершил успешный налёт чешский король Бретислав I и приказал уничтожить всякие напоминания о своём сопернике и противнике, вплоть до разрушения саркофага, профанации болеславовых останков. Трудно предположить, что при такой “зачистке”, замечает Анджей Зелиньский, сохранился бы королевский меч.

Потом появились версии, что меч через пятьдесят лет выщербил правнук Болеслава Храброго Болеслав Смелый, тоже совершавший набеги на столицу Руси. Во время его приходов в Киев никакого “сексуального подтекста” не было, иронизирует Зелиньский, но мечом Смелому помахать довелось, напоминает он. Вот только вряд ли ему пришлось бы в голову хранить испорченное оружие, повредил, да и выбросил, король всё-таки, полагает историк. И не просто было что-то сохранить, даже полюбившееся, поскольку через десяток лет самому пришлось бежать из Польши и умереть на венгерской чужбине.

Автор высказывает предположение, что меч принадлежал какому-то участнику крестового похода на Ближний Восток в Святую землю и стал памятной вещью в семье княжат мазовецких и куявских. А ещё, возможно, он был подарочным мечом, преподнесённым евреями-сефардами калишскому князю Болеславу Набожному за спасение от врагов, их окруживших. К такому мнению подтолкнул и сравнительный анализ меча с другими европейскими изделиями подобного рода, проведённый сотрудниками краковского музея на Вавеле. Анализировались металл, техника исполнения, орнаменты, весьма богатые украшения, описания которых сохранились. Да и внешне походил он больше на ритуальный, парадный меч, нежели на боевое оружие. Однако

надпись на рукоятке “Князь Болеслав” многие продолжают истолковывать так, что речь идёт о Болеславе Храбром, констатирует Зелинский.

К сожалению, судьба Предславы туманна. Уходя из Киева, Болеслав забрал с собой и её, и её сестёр Добронегу, Мстиславу и даже, как утверждают, последнюю жену самого Владимира Крестителя, с которой тот жил после смерти греческой царицы Анны и имя которой осталось неизвестным. В Польше он поселил Предславу “в самом безопасном месте своего княжества, которым считался Остров Ледницкий, под охраной личной отборной дружины”, а потом “не согласился на обмен молоденькой княжны на собственную дочь, жену Святополка, которая тогда оставалась в руках Ярослава Мудрого”. Приказал построить в Острове Ледницком православную церковь. Анджей Зелинский утверждает, что останки той церкви уже обнаружены. А ещё он пишет, что в последние годы своей жизни Болеслав забыл о своей жене, тоже молодой и оставленной в Гнезно, которое тогда было польской столицей, и даже о маленькой дочке Матильде. Каждую вольную минуту он проводил в Острове Ледницком с Предславой. Потерял всякий интерес к делам на Руси. Остался равнодушным к смерти Святополка, который после ещё одного поражения от Ярослава, по одним сведениям, умер от ран и помешательства в Бресте, в связи с чем Брест впервые упомянут в летописях, по другим — где-то на границе между “между ляхи и чахи”, то есть лесий знает где. Вообще перестал заниматься и судьбой своей дочери, выданной им за Святополка. Так до сих пор и неизвестно, где она скончалась, в Киеве или в Новгороде.

Князь “ограничил своё участие в государственных делах, сконцентрировавшись фактически только на усилиях, связанных с получением королевской короны”, чего добивался от Папы Римского четверть века. Внутренним порядком в княжестве и внешними войнами занимался его средний сын, которому предстояло стать королём Мешко II. Желанную корону Болеслав всё-таки надел, хотя согласия от Римского Папы на это так и не дождался. Воспользовавшись смертью императора Священной Римской империи Генриха II, который тоже имел возможность раздавать короны, того самого, которому сообщал из Киева, что сидит на Владимирском троне, он распорядился, чтобы главный символ монархической власти на него возложили польские епископы. Через несколько месяцев первый польский король умер. Немецкий хронист Титмар счёл, что “быстрой смертью” монарх был наказан за самоуправство.

Предслава на Острове Ледницком родила Болеславу двух дочерей. К сожалению, их имена история тоже не сохранила. Анджей Зелинский приводит свидетельства, что одна из них впоследствии вышла замуж за большого вельможу по имени Мецлав. В некоторых источниках его называют Маславом. Он слыл важным человеком при дворе короля Мешко II, главным властителем в Мазовии и даже претендентом на всю власть в Польше. Был у Предславы от Болеслава, видимо, и сын, на что намекает недавно найденная в Острове могила маленького мальчика, относящаяся к одиннадцатому веку. В ней сохранились останки ребёнка, погребённого с очень богатыми украшениями. А отношения между Русью и Польшей после той войны восстановились, притом киевский князь Ярослав принял самое активное участие в судьбе соседнего государства. После смерти Болеслава на трон взошёл Мешко II и по примеру отца решил избавиться от старшего брата Безприма и младшего Отто. Безприм спаслся в Киеве, а после смерти Мешко при помощи Ярослава — чудны дела твои, Господи! — стал польским королём, правда, ненадолго, так как был отравлен людьми, посланными Мешко и Отто.

К Безприму у поляков много претензий: был тираном, отослал корону германскому императору и тем самым лишил Польшу королевского статуса, кроме того, одни говорят, что он хотел навязать Православие, другие — вернуть язычество. Мешко в это время спасался в Чехии, но был пойман и по приказу чешского князя Олдриха кастрирован в отместку за ослепление Болеслава Рыжего. Вернувшись на трон, тоже вынужден был отказаться от королевской короны и согласиться на раздел страны на три части: Малопольшу, Великопольшу и Мазовию, одна из которых досталась ему, другая — Отто, третья — двоюродному брату Дитриху.

Вернул единство государству Казимир — младший сын Мешко II, названный за это Казимиром Восстановителем. В усилиях вернуть единство польского государства поддержал Казимира с востока “владелец Киева, тот самый Ярослав, против которого не так давно ходил Болеслав”, то есть Казимиров

дед Болеслав Храбрый. А с запада на помощь пришли немцы. Зелинский уверен, что “Казимир Восстановитель вернул себе власть в Польше исключительно благодаря немецким и русским штыкам, точнее, щитам и мечам”, так как хаос “между Одером и Бугом угрожал и интересам соседей”. После этого “союз с Киевом стал важным фактором в политике Казимира Восстановителя”, а Ярослав, отметил уже Ясеница, ещё раз продемонстрировал, что он не случайно называется Мудрым.

С русской помощью Казимир подчинил себе и Мазовию. В бою с Ярославовыми ратниками суждено было погибнуть тому самому Мецлаву-Маславу – зятю Предславы, обуянному, как пишет Ян Длугош, жадной славы и власти. Запись в русской “Повести временных лет” тоже гласит, что “Ярослав пошёл на мазовшан и князя их убил Моислава, подчинив их Казимиру”. Но сделал он это не только для прекращения усабиц на польских землях. С Маславом у него были свои счёты. В союзе со славянами-пруссками и литовскими племенами, которые были ещё язычниками, он мешал Ярославу в движении к Балтике.

Казимир Восстановитель потом обратился к Ярославу с просьбой выдать за него сестру Добронегу, уведённую в плен Болеславом Храбрым, которая с тех пор жила в Острове Ледницком вместе с Предславой. И Ярослав, первая жена которого погибла в польском плену, дал на это согласие, поскольку был заинтересован в нормальных отношениях с соседом. Добронегу, став в католичестве Марией, родила Казимиру Восстановителю сына Болеслава, тоже потом надевшего королевскую корону и за дела свои названного Смелым. Болеслав Смелый, утверждает Ян Длугош, был женат на Вышеславе – княжне смоленской или черниговской, тут историки расходятся, но в том, что была она внучкой Ярослава Мудрого, не сомневается никто. Киев он захватывал дважды во время очередной свары русских князей.

Нрав и этот польский князь имел своеобразный. В 1069 году, когда он по зову Изяслава Ярославича явился со своим войском в Киев в первый раз, сообщает любопытный факт Павел Ясеница, Изяслав попросил, чтобы Болеслав “подъехал к нему и дал поцелуй мира, чтобы подчеркнуть уважение к его народу”. Тот согласился, правда, “потребовав по золотой гривне за каждый шаг его коня во время праздника”. Но и на таких условиях “в самый торжественный момент не сошёл с седла, а схватил Изяслава за бороду и оттащал на глазах у всех киевских вельмож”. Не трудно понять, констатировал историк, насколько “доброжелательно” настроило это киевлян к “союзнику”.

Другие польские источники тоже констатируют, правда, очень мягко, что и та “польская интервенция не была позитивно принята на Руси”, поясняя это тем, что “памятливые русины надолго запомнили опустошение Киева Болеславом Храбрым”. Смелый “прокололся” на том же, что и Храбрый. Он тоже разослал свои рати для прокормления по обширным киевским околицам, но там они встретили такое сопротивление, что ему, как и прадеду, пришлось “сматывать удочки”, правда, опять, “прихватив” Червеньские города, возвращённые Руси Ярославом Мудрым.

В целом отношении строились так, что соседи и чубились, то есть время от времени и за чубы друг друга таскали, и любились. Так продолжалось два столетия. За это время русские князья ещё больше перессорились между собой, Киев потерял своё объединяющее значение. И тут появились новые силы, от которых не было спасения, чем не преминули воспользоваться и поляки, и северные соседи Руси – литовцы, многие из которых ещё недавно исправно служили и новгородским, и псковским, и минским, и смоленским, и полоцким князьям.

После того, как орды Батыя разорили и во многом уничтожили княжества южной и западной Руси, польский король Казимир Великий захватил Львов, основанный галицким князем Данилой Романовичем и названный так в честь его сына Льва. Тогда же создалась “просто сказочная конъюнктура для Литвы”, резюмирует Павел Ясеница, которая стала занимать обезлюдевшие русские провинции, не прилагая особых усилий. Так появилась “Литовская империя”, подчёркивает он, в которой минимум “восемьдесят процентов земель и населения были русскими”. Как образно выразился Александр Широкоград, в Великом княжестве Литовском победило именно название, никаких следов литовского культурного влияния за пределами территорий, на которых проживали предки нынешних литовцев – аукштайты, жемайты, пребывавшие ещё в язычестве, не имевшие собственной письменности, – не обнаружено.

Павел Ясеница добавляет, что оно “при видимости силы в основе своей оставалось слабым”, хотя поначалу представляло серьёзную опасность и для польских владений. Литовцы, став фактическими союзниками Орды, тоже совершали настолько разорительные набеги на всех соседей, что для тех же поляков стало опасным ведение хозяйства на всём правобережье Вислы.

Из создавшегося положения польские короли пытались найти выход старыми методами — с помощью династических браков. Сам Казимир Великий был женат на дочери владетеля Литвы Гедимина Альдоне, ставшей в крещении Анной. Литовку в качестве супруги выбрал он и для своего приёмного сына Казика. Получилось не сразу. Пришлось подождать, пока у соседнего государства возникнут серьёзные проблемы, что вскоре и произошло. Очередной литовский князь Ягайло тоже не поладил с братьями, приказал задушить дядю Кейстута, грозившего ему свержением, утопить тётку Бируту. Вскоре княжество доводилось до того, что создало себе противников почти по всему периметру своих границ. С одной стороны, Русь, с другой — меченосцы с крестоносцами, с третьей — Польша. И тут ловкий ход сделали поляки, очутившиеся примерно в такой же ситуации, что и литовцы, особенно после приглашения на берега Балтии рыцарей Тевтонского ордена. Звали их якобы для борьбы со славянским племенем прусов-язычников, но, как оказалось, и на свою голову тоже. Вырубив прусов, те взялись и за их соседей, завяв польскому королю, что своими мечами достанут его даже в Кракове. Вот тут-то поляки и предложили своему недавнему врагу Ягайло не только королевскую дочку, но и королевскую корону, однако взамен за принятие католичества им и его подданными и обязательство делать то, что ему скажут.

После согласия, достигнутого в замке в Крево — теперь центр сельсовета на Гродненщине, — последовало ещё полдюжины уний, вследствие которых жизнь в княжестве всё больше перестраивалась на польский манер. По словам Александра Широкограда, непольские кости постепенно обрастали польским мясом. Совместно отбившись от крестоносцев, даже побив их под Грюнвальдом, со временем поляки и литовцы стали пробовать “на зуб” и Русь, особенно во времена, когда там случалась очередная *замятня*. Правда, Павел Ясеница утверждал, что их на такие дальние цели подбили привыкшие к разбою литовцы, но постепенно и здесь главными становились поляки. Король Стефан Баторий ходил на Псков, Сигизмунд III — уже на Москву. И, казалось, желанный результат столь близок. В Кремле — польский гарнизон. Царём провозглашен Владислав — сын Сигизмунда. Бывшего царя Василия Шуйского отвезли в Варшаву, где он кланялся королю Речи Посполитой и присягал ему на верность. Однако ни Сигизмунду, ни Владиславу в русской столице побывать так и не удалось. Оккупанты и здесь повели себя так же, как когда-то в Киеве и Праге, и её жители тоже подняли восстание. Комендант польского гарнизона Госсевский, пытаясь усмирить их, приказал поджечь Москву, отчего выгорел Белый город, Китай-город, Замосворечье, но всё равно пришлось включать “задний ход”.

Владислав, став королём Польши, любил во время торжеств надевать специально изготовленную “московскую корону”. На колонне, которую он распорядился установить в честь отца, было выбито, что его венценосный родитель “взял в неволю вождей московских, столицу и земли московские добыл...” Он и сам пытался покорить с Москвой, в чём ему помогали запорожские казаки, но чуть не попал в плен, от которого его спас Богдан Хмельницкий, за что был награждён золотой саблей. Шестивековой накат на восток обернулся для поляков куда более быстрым откатом, закончившимися столь памятными и болезненными для них разделами.

Теперь политики на Висле пытаются представить дело так, что главным “раздельщиком” была Россия, хотя даже польские серьёзные исследователи признают, что инициатором и локомотивом того процесса стали Австрия и Пруссия, а довели свою страну до распада магнаты и крупная шляхта, ею правившие и не желавшие что-либо делать для укрепления своего же государства, дабы оно не ограничило их самоволия. Прусский король Фридрих II язвил, что там даже трон являлся предметом торга, как любой иной товар, о чём напоминает британский исследователь польской истории Норман Девис. Он же добавляет, что Речь Посполитую называли посмешищем, кабаком Европы. Не случайно против разделов не протестовали ни Британия, ни Франция, ни Швеция, ни Турция. Да и с какой стати им было протестовать, если первые два раздела утвердил сейм той самой Речи.

Как ни странно, в контексте суждений о тех разделах почему-то не звучит вопрос, а могла ли императрица Екатерина не участвовать в них, предоставив, предположим, возможность решать польскую судьбу австрийской эрц-герцогине Марии-Терезии и прусскому королю Фридриху. Ведь Россия, тогда воевавшая с Турцией, как раз не стремилась к разделам, поскольку ей выгоднее было граничить со слабой Речью Посполитой, чем с мощной Австрией или набирающей силу Пруссией. В то же время оставаться в стороне, ничего не взяв она не могла. И дело не только в том, что речь шла о землях, входивших ранее в русское государство, и, скорее всего, для царицы “разделы Польши не были чем-то более заслуживающим наказания, чем осуществлённые Польшей разделы Руси в XIV и Пруссии в XV в.”, о чём впоследствии прямо говорил германский канцлер Отто фон Бисмарк. Суть состояла в том, что в случае “раздела на двоих” границы Австрии и Пруссии оказались бы у Днепра и Западной Двины, у Риги, Смоленска и Киева, на что России согласиться было невозможно.

В Польше до сих пор звучат сожаления, что Сигизмунд со всеми своими войсками не пошёл на помощь взявшим Кремль отрядам, потому те вынуждены были капитулировать. А если бы пошёл, смог бы взять “давние царские богатства, заплатил бы долги своему рыцарству”, затем “собрать бояр, успокоить их и разрулить всё по своей воле”. Помешало, оказывается, то, что “прельщённые триумфами поляки ни о чём ином на сейме не говорили, только о том, как поделить на провинции завоеванную Московию”. С потерей той победы, похоже, в Польше никак не могут смириться до сих пор. Недавно историк Дариуш Кухарский предложил “перед главными воротами Королевского замка в Варшаве вкомпоновать в дорожное полотно плиту с надписью: “29 ОКТЯБРЯ, 1611 ГОД, РУССКАЯ ПРИСЯГА, КОРОЛЕВСКИЙ ЗАМОК В ВАРШАВЕ”. В тот день Шуйский бил свои поклоны.

Кстати, потомки тех, кто поджигал Москву во время Смуты, через двести лет, уже после разделов Речи Посполитой, ещё раз получили возможность, что называется, отвести душу. В походе Наполеона на российскую столицу их было сто тысяч. Последнему польскому королю Станиславу Понятовскому такая армия и не снилась. Старший научный сотрудник Института истории РАН В. А. Артамонов заметил по этому поводу, что столько “поляки не собирали никогда, начиная с X в.”. А Норвид Девис напоминает, что корпус Юзефа Понятовского – племянника последнего короля Речи Посполитой – был единственным национальным воинским формированием “среди всей солдатской мешанины”. Притом подчёркивает, что поляки “шли в авангарде, до Смоленска дошли в августе... дрались под Бородино... в сентябре вошли в Москву” и “через двести лет после сожжения столицы России Госсевским снова увидели пылающий город”. Как свидетельствуют другие источники, в неистовствах, поругании, осквернении святынь с поляками “соревновались” только баварцы.

В самой Польше проводились благодарственные мессы, парады, артиллерийские салюты, срочно возводились обелиски, газеты писали, что “наглый москале преклонил дрожащие колена”. Видный поэт и прозаик того времени Казтан Козмян на встрече в варшавском Обществе друзей науки прочёл “Оду на пожар Москвы”, в которой в качестве своеобразной итоговой черты прозвучали слова: “Где то чудовище природы, тот гигант, то пугало народов...” Однако руководитель общества Станислав Сташиц всё-таки посоветовал Козмяну не публиковать оду до окончания войны, так как “гигант ещё стоит и борется”. И не ошибся. Из ушедших походным маршем на восток, по словам Нормана Девиса, вернулся только один из пяти. К сказанному добавим, что, когда Польша оказалась под российской короной, с Казтаном Козмяном ничего плохого не случилось. Он присягнул новому государю. Стал сенатором. Впрочем, император Александр простил и воевавших против него под Смоленском, Бородино, Малоярославцем, на Березине. Утверждают, лелеял надежду, что поляки вспомнят об общих с русскими славянских корнях.

Те разделы и войны сказались и на судьбе меча “Щербец”. После того, как в Краков 15 июня 1794 года вступили прусские войска, сотрудник королевских хранилищ Зубжицкий за солидное вознаграждение указал, в каком костёле спрятаны главные государственные реликвии. Меч был отправлен в Берлин. По завершении наполеоновских походов “Щербец” оказался у российского посла в Париже Карла Осиповича Поццо ди Борго, который коллекционировал оружие прежних времён. Тот подарил меч российскому императору Николаю I, считавшемуся одновременно и польским королём, а Николай передал его

в главный Санкт-Петербургский музей Эрмитаж. Так пишет Зелинский, хотя некоторые авторы полагают, что меч царю дарил другой посол, тоже коллекционер – Александр Базилевский. В Польшу “Щербец” вернулся после заключения в 1921 году Рижского договора между Советской Россией и второй Речью Посполитой. С началом Второй мировой он вновь “путешествовал” до Франции и Канады и домой попал только через двадцать лет. Никаких драгоценностей на нём давно уже нет. Ещё во время наполеоновских войн их приказал снять прусский король Вильгельм III для погашения долгов своего двора перед Берлинской дирекцией морской торговли. Тем не менее, меч в Польше числится среди самых почитаемых государственных реликвий и хранится в бывшем королевском дворце в Кракове. Как-никак, пусть по легенде, но им ударили по воротам древней русской столицы.

Поход тысячелетней давности, с которым меч ассоциируется, оставил в памяти поляков столь глубокий след, что после взятия Киева в мае 1920 года войсками Пилсудского они сравнивали этого маршала именно с Болеславом Храбрым. Как польские легионы там очутились? Речь Посполитая, возродившаяся 11 ноября 1918 года, упорно желая отодвинуть свои границы как можно дальше на восток, воспользовавшись гражданской войной на просторах рухнувшей Империи, пошла войной на литовцев, белорусов, украинцев, тоже провозгласивших свои республики. Уже через десять дней она захватила Львов, ставший столицей Западно-Украинской Народной Республики. БССР подверглась польскому нападению через полтора месяца после своего возникновения, притом Польша игнорировала государственность тех же белорусов как в советском, так и в националистическом варианте. Белорусы – это ноль, заявил тогда Пилсудский. Такое же отношение она продемонстрировала к суверенным устремлениям литовцев, мол, их слишком мало, потому пусть останутся под польской опекой. Не признала и советское правительство России, которое сразу же признало её.

В результате той многосторонней агрессии, а именно так называли польские действия даже британский премьер Дэвид Ллойд-Джордж, Литва потеряла столицу – город Вильнюс с окрестностями, Белоруссия – почти половину своих земель, а Западно-Украинская Народная Республика и Галицийская ССР и вовсе приказали долго жить, поскольку их территория вошла в состав новой Речи Посполитой. Вернуть потерянное литовцам, белорусам и украинцам удалось только в сентябре 1939 года силами всего Советского Союза. Но теперь Союза нет, и за Бугом вновь звучат голоса больших политиков, что Польшу просто невозможно представить без Львова. В минувшем ноябре во время празднования очередной годовщины польской независимости демонстранты в Варшаве впереди многотысячной колонны несли транспарант, на котором было написано, что они помнят и Вильню. Польское Вильню, разумеется. Не зря, значит, говорят, что нынешний гомо-сапиенс – это одновременно и тот человек, который жил и сто, и тысячу лет назад, с его фантомными болями, фобиями, ревностью, несбывшимися мечтами, выщербленными мечами...

Тысячелетний “спор славян между собою” превратился в польский комплекс, в основе которого теперь лежит, похоже, уже не только, даже не столько боязнь России, в борьбе с которой они так и не добились желаемых результатов, сколько удовольствие от любой неприятности, сваливающейся на русских. Или хотя бы воспоминание о ней. Именно на такую ассоциацию наталкивает, например, публикация, появившаяся в октябре 2017 года на интернет-странице варшавской газеты “Речь Посполитая”, тоже привлекавшая внимание “характерным” заголовком: “В глазах у русских был страх”. Под ним был опубликован материал, тоже посвящённый юбилею одной из побед над русскими. На сей раз – 60-летнему. Речь о том, что 20 октября 1957 года польская сборная по футболу со счётом 2:1 нанесла поражение сборной СССР, в которой, подчёркивается специально, тогда играли непревзойдённые Лев Яшин, Эдуард Стрельцов, а всего годом ранее она завоевала золотую олимпийскую медаль в Мельбурне. Это был первый отборочный матч чемпионата мира, разыгранный в послевоенное время на территории Польши, и тот выигрывает, утверждается поныне, “был чем-то большим, чем победа на футбольном поле”. Можно ли удивляться, что за тысячу лет не забыт поход Болеслава Храброго! Не с него ли началась мечта о том, чтобы “в глазах у русских был страх”?..

г. Минск